

«органичной» частью якобы единого, непрерывного повествования с включением в него сочинений Леонти Мровели и Джуаншера Джуаншершериани, постулируя нередко принадлежность его первому. Г. В. Цулая обоснованно отклонил это мнение, логично, на основе анализа раннего цикла «Қартлис цховреба» приписав рецензируемые переводы различным авторам, каждый из которых обладал своим мировоззрением, литературным стилем и по-своему отразил описываемую действительность (II, с. 25—27).

Автор не только обосновывает мысль о независимости текста «Летописи Қартли» от двух предшествующих хроник раннего цикла «Қартлис цховреба», но прежде всего выявляет своеобразие отраженной в анонимной летописи этнокультурной обстановки периода объединительного движения в Грузии в VIII—XI вв., указывая на большую роль наряду с политическими факторами в этом многовековом процессе факторов культурного порядка. Логическому обоснованию этой идеи, которой до сих пор уделяли недостаточно внимания, посвящена значительная часть введения к «Летописи Қартли».

Подводя итоги, скажем, что издание на русском языке отрывков из произведений Леонти Мровели ввело в научный оборот ценный исторический источник по истории народов Кавказа. Следует лишь сожалеть, что из трех произведений Леонти Мровели это первое не было переведено целиком. Хочется высказать пожелание, чтобы в будущем было осуществлено полное издание перевода «Жизни картлийских царей». Зато два последующих произведения «Қартлис цховреба» — «Жизнь Вахтанга Горгасала» Джуаншера Джуаншершериани и «Летопись Қартли» — Г. В. Цулая перевел полностью.

Перевод на русский язык трех произведений «Қартлис цховреба» и их издание весьма расширили круг исследователей, которые теперь сумеют пользоваться этими источниками. Следует также отметить, что Г. В. Цулая внес значительный вклад в изучение средневековой этнополитической и этнокультурной истории кавказских народов.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Matti Kuusi. Proverbia septentrionalia. 900 Balto-Finnic Proverb Types with Russian, Baltic, German and Scandinavian Parallels/In cooperation with Joalaid M., Krikmann A., Leino P., Kokare E., Laukkanen K., Mälk V., Sarv I./Folklore Fellows Communications. V. CI. № 236. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia, 1985. 451 p.

От возникновения замысла этого труда до выхода его в свет прошло 22 года. Его создание стало возможным благодаря тесному сотрудничеству ученых Финляндии и СССР (в первую очередь Эстонии, а также Латвии и Литвы); переводы на английский язык выполнены с помощью английских и американских ученых (с. 450—451). Инициатор и ведущий автор издания акад. Матти Кууси — один из крупнейших современных фольклористов, профессор университета в Хельсинки, основатель и редактор журнала «Proverbiium». На разных этапах подготовки тома в работе участвовали многие фольклористы из Финляндии и Советских Прибалтийских республик. Текст, с которым теперь могут ознакомиться читатели, подготовлен М. Кууси в соавторстве с К. Лаукканеном и П. Лейно (Финляндия), М. Иоалайд, А. Крикманном, В. Мяльк, И. Сарв (ЭССР) и Э. Кокаре (Латв ССР). Книга «Северные пословицы» вышла во всемирно известной серии «Folklore Fellows Communications» («Сообщения общества фольклористов»), основанной в 1907 г., в одном из первых выпусков которой был издан «Указатель сказочных типов» А. Аарне, при всем своем несовершенстве ставший отправной точкой всех последующих опытов систематизации фольклорного материала.

Рецензируемый труд опирается на иную методологию, нежели «финская школа» первой половины XX в., но усвоил ее стремление к широкому охвату материала, к его строгой систематизации и классификации, к постановке принципиальных методологических проблем. Он представляет собой сборник пословиц прибалтийско-финской подгруппы финно-угорских языков с параллелями из языков-соседей — русского, латышского, литовского, немецкого, скандинавских. Сборник основан на количественных критериях, и в этом его существеннейшее отличие от всех предыдущих. Другая важная его особенность состоит в том, что он не только содержит материал для последующего изучения, но и сам является итогом большой аналитической работы.

Том открывается многоаспектным «Введением». Здесь в общих чертах прослеживается этногенез прибалтийско-финских народов, становление их культуры. При этом, на наш взгляд, некоторые утверждения, относящиеся к исторической антропологии и этнографии, сформулированы излишне категорично. Полезны включенные во «Введение» карты географического распространения прибалтийско-финских языков, а также примеры картографирования некоторых пословиц, по-разному распределенных в разных языках (с. 15—21). Содержательны замечания о пополнении фонда пословиц путем заимствования у соседей и в средневековой латинской традиции (с. 23—26).

Во «Введении» особо выделен раздел «Отбор и организация исходного материала» (с. 26—28). В основу исследования положена гипотеза, в принципе не вызывающая серьезных возражений: чем чаще пословица записывалась собирателями, тем она, видимо, чаще употребляется (употреблялась) носителями языка. Каждая запись пословицы собирателем называется вариантом, а сама пословица — типом. Таким образом, различные типы пословиц представлены разным количеством вариантов в записях фольклористов. К сожалению, ни в данном разделе, ни во всем «Введении» не указано точно или хотя бы приблизительно, каков общий фонд вариантов для каждого языка. Сообщается только, что на рубеже 1970—1980-х годов общий фонд финских пословиц составлял свыше 2 млн. вариантов, а эстонских — около 162 тыс. (с. 9). В то же время относительно водских пословиц подобные данные не приводятся. Из-за этого не всегда удается проследить ход статистических вычислений. Кроме того, некоторые данные представляли бы самостоятельный интерес (например, как убывает количество вариантов с возрастанием ранга пословицы в частотном списке), но они (очевидно, из-за недостатка места) не обсуждаются специально.

Возникает вопрос, насколько репрезентативны и сопоставимы накопленные данные по разным языкам. Неясно, например, можно ли считать, что ливский и карельский пословичный фонды обследованы и зафиксированы одинаково подробно. Поскольку такой уверенности нет, то к цифрам, обозначающим количество вариантов данного пословичного типа в данном языке, следует относиться весьма осторожно.

Фонд записей, использованных в «Северных пословицах», составлялся на протяжении XIX—XX вв. (с. 22). Количество вариантов определенного пословичного типа отражает, таким образом, не реальную частоту употребления пословицы на протяжении небольшого, строго ограниченного промежутка времени, а довольно расплывчатую среднюю частоту записей за полтора столетия. Пословица, весьма распространенная в XIX в. и вышедшая из широкого употребления в XX в., легко может быть представлена меньшим количеством вариантов, чем другая, несколько превосходящая первую по распространенности в XX в., но значительно уступающая ей в этом в XIX в.

Наконец, необходимо как-то учитывать огромную разницу в количестве говорящих на каждом из шести языков, находящихся в поле зрения авторов. Очевидно, что в прямой зависимости от него находится количество вариантов пословицы. На сегодняшний день неясно, по какому закону связаны эти две величины, но 500-кратное численное превосходство носителей одного языка над носителями другого должно быть принято во внимание самым серьезным образом.

Мы думаем, что распространенность пословичных типов во всех шести языках соотносить можно и нужно; вынужденная разница в исходных условиях между финским, карельским, эстонским языками, с одной стороны, и вепсским, ливским и водским — с другой, такова, что соотносить их по количеству записанных вариантов пословиц нецелесообразно.

Все отмеченные трудности в организации материала несколько не умаляют ценности труда М. Кууси и его соавторов. Их работа носит новаторский характер; в ней ставятся проблемы, важные и для фольклористов, и для этнографов, и для лингвистов.

Составители сборника стремятся несколько смягчить обрисованные противоречия исходного материала. Количество вариантов каждого пословичного типа (абсолютная частота) заменяется его относительной частотой. Если абсолютные частоты в исходном материале ранжированы от 1 до 700, то шкала относительных частот имеет значения от 1 до 9. Перевод абсолютных частот в относительные осуществляется для каждого языка по особым правилам, учитывающим громадные перепады абсолютных частот в разных языках. Так, в финском языке, где значения абсолютных частот особенно высоки, относительной частоте 1 соответствуют абсолютные частоты от 1 до 4; иначе говоря, имеется ли одна, две, три, четыре записи данной пословицы, данный пословичный тип в финском материале получает относительную частоту 1. В эстонском материале, где значение абсолютных частот ниже, относительной частоте 1 соответствуют абсолютные частоты 1 и 2, и т. д. К сожалению, таблица на с. 27 и лаконичные пояснения к ней на с. 26 не дают возможности проследить всю процедуру приведения абсолютных частот к относительным.

С этого момента работа проделана безукоризненно. Для каждого пословичного типа его относительные частоты во всех языках суммируются, затем составляется общий частотный список пословичных типов. Сперва в порядке убывания сумм относительных частот помещены пословицы, имеющиеся во всех шести языках, потом — в пяти, за исключением ливского, затем — в пяти, за исключением вепсского, и т. д.

Предварительно для каждого языка был установлен минимум абсолютных частот, начиная с которого пословичные типы включались в общий материал (с. 26). Теперь из него отобраны 900 наиболее частотных пословичных типов, образующих основной фонд прибалтийско-финских пословиц. Именно их список составляет ядро книги и занимает большую часть ее объема (с. 83—407). Рассмотрим построение статьи, посвященной отдельному пословичному типу.

Сперва указывается ранговый номер, определяющий место данного пословичного типа среди остальных. В дальнейшем он может использоваться в паремнологических исследованиях, в сборниках пословиц, хотя и не так широко, как в сказковедении используются номера указателя Аарне — Томсона, но с весьма важной целью: соопределить международный материал с пословицами прибалтийско-финских народов. После этого в качестве заглавия статьи приводится английский перевод как инвариант данного пословичного типа. Далее даются эквиваленты из языков соседних народов. Только теперь помещается основной материал статьи: приводится данная пословица на тех прибалтийско-финских языках, на которых она зафиксирована в источниках,

причем для каждого языка указано количество записей (вариантов). Непременно возникающие вопросы о полном или неполном соответствии отдельных языковых реализаций инварианту обсуждаются в «Примечаниях» на с. 408—411. Завершается статья ссылками на источники, из которых заимствованы пословицы данного типа. Список их приведен на с. 78—82.

К сборнику приложены глоссарии и таблицы соответствий, или конкорданции. Последние значительно расширяют возможности использования материала. Они позволяют без затраты времени находить пугливую пословицу из собрания пословиц данного народа в «Северных пословицах»; находить параллели к пословичным типам сборника в собраниях пословиц других финно-угорских народов; в Библии и в собраниях пословиц Востока (по известному изданию Г. Л. Пермякова). Глоссарии дают возможность находить нужный пословичный тип по ключевым словам. Для того чтобы читатель мог более точно локализовать ту или иную запись пословицы, в книге дан свод основных диалектных различий, отражающихся на письме, по финскому, карельскому, эстонскому и вепсскому языкам (с. 82).

В том органически входит важный раздел «Связи между прибалтийско-финским и неприбалтийско-финским материалом», написанный А. Крикманном. Он представляет собой относительно самостоятельное исследование, опирающееся на материал «Северных пословиц», а его результаты дополняют книгу ценными сведениями. В качестве метода исследования использован корреляционный анализ, опирающийся на данные о количестве пословичных типов и вариантов в каждом языке. Если анализ, основанный на количестве типов, представляется безукоризненным, то относительно анализа, основанного на количестве вариантов, приходится напомнить сомнения, высказанные в начале нашей рецензии. Общие выводы исследования сомнений не вызывают, сводятся они к следующему. Очевидно, что близость пословичного фонда определяется географической близостью и интенсивностью этнокультурных контактов. Финский, вепсский и ливский пословичные фонды выделяются как «терминальные», являющиеся центрами притяжения для иноязычных пословичных влияний (финский — для скандинавского, вепсский — для русского, ливский — для латышского и литовского). В результате статистической обработки материала построен выразительный граф этнических взаимосвязей (с. 35), который подытоживает этот раздел сборника.

Между статистическим исследованием А. Крикманна и списком 900 пословичных типов, образующим главную часть сборника, помещена «Аналитическая таблица» (с. 37—77). В ней сосредоточен большой материал, характеризующий каждый пословичный тип: в каких из прибалтийско-финских языков он зафиксирован и с какой относительной частотой; какова его суммарная относительная частота; в каких из соседних языков зафиксированы к нему параллели. Делаются ссылки на номера синонимичных, аналогичных и частично совпадающих пословичных типов из данного сборника; для пословиц, облеченных в метрическую форму, указывается особенность этой формы (стих «Калевалы» и т. п.); дается стилистическая характеристика (сравнение, синтаксический параллелизм и т. п.); описывается (в случае необходимости) способ рифмования; характеризуется «модальность» (нормативная, комический эффект и т. п.); обозначается место пословичного типа в структурно-семиотической классификации пословиц (один-два или много; один — все и т. д.). Последние две характеристики разработаны А. Крикманном: отмечается семантическое поле пословичного типа и соотношение между поверхностным уровнем пословицы и ее глубинным семантическим уровнем.

Подведем итоги. «Северные пословицы» — труд принципиально нового типа. Он соотносит материал прибалтийско-финских языков между собой и с материалом генетически более отдаленных языков и народов. Одновременно это многоаспектное паремиологическое исследование, охватывающее не только фольклорную проблематику, но также этнографическую, лингвистическую, стилистическую. Наконец, сборник может служить важным справочным пособием, необходимым и как шаг на пути к построению единой международной классификации пословиц. «Северные пословицы» поднимают паремиологию на новый уровень. Вместе с тем здесь обозначился ряд проблем нерешенных, ждущих решения в будущем.

И наконец, рецензируемый том — прекрасный пример успешной совместной работы ученых Финляндии и СССР в рамках договора о научно-техническом сотрудничестве.

В. С. Баевский